

Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов

Неизвестные съезды: Второй психоневрологический

На основе максимально возможного количества источников в статье предпринимается попытка реконструировать ситуацию реальных обсуждений психологических проблем на Втором всероссийском съезде по психоневрологии. Именно съезды, собирающие разных представителей, разрабатывающих проблемное поле психологии разными методами, наиболее информативны с точки зрения диагностики развития науки. В статье проанализированы все дошедшие до нас материалы, характеризующие работу съезда 1924 года, проведен подробный анализ направлений работы съезда, наиболее ярких докладов, возникших дискуссий. Обсуждения, происходящие на съезде, увязываются с процессами, происходящими в психологии. Анализируются уроки съезда, отмечается, что помимо ряда резолюций делегаты съезда приняли проект образования Всесоюзной психоневрологической ассоциации, целью которой должно было стать изучение нормальных и аномальных личностей с биологической точки зрения, объединив всех работающих в этих областях. Намечалось, что проект воплотят в жизнь авторитетные ученые: В.М. Бехтерев, В.П. Осипов, А.В. Гервер, А.П. Нечаев, К.Н. Корнилов, В.В. Крамер, А.Б. Залкинд. Обсуждаются дальнейшие перспективы проведения съездов в СССР. Как известно, следующий психоневрологический съезд планировался в Харькове в 1925 г., но, как мы знаем, он не состоялся.

Ключевые слова: съезд, наука, психоневрология, психология, педагогика, Второй всероссийский психоневрологический съезд.

N. Ju. Stojukhina, V. A. Mazilov

Unknown Congresses: The Second Neuropsychiatric

Basing on data of the maximum possible quantity of sources, in the article an attempt to reconstruct a situation of real discussions of psychological problems at the Second All-Russian congress on neuropsychiatry is made. The congresses are bringing together different representatives, developing a problem field of psychology by means of different methods, are most informative from the point of view of diagnostics of science development. In the article all materials are analysed, which we have nowadays, characterizing work of the congress in 1924. In the article a detailed analysis of the areas of work of the congress, the brightest reports, the arisen discussions is undertaken. The discussions happening at the Congress are coordinated with the processes happening in psychology. Congress lessons are analyzed, it is noted that besides a number of resolutions delegates of the Congress approved the project of education of the All-Union neuropsychiatric association, the purpose of which is to study normal and abnormal persons from the biological point of view, uniting all those who work in these areas. It was planned that the project will be realized by authoritative scientists: V. M. Bekhterev, V.P. Osipov, A.V. Gerver, A.P. Nechayev, K.N. Kornilov, V. V. Kramer, A.B.Zalkind. Further prospects of carrying out congresses in the USSR are discussed. It is known that the following neuropsychiatric congress was planned to be held in Kharkov in 1925, but as we know, it didn't take place.

Keywords: a congress, a science, neuropsychiatry, psychology, pedagogics, the Second All-Russian Congress on psychoneurology.

Настоящая статья продолжает цикл публикаций о всероссийских съездах [19]. Съезд как научное мероприятие отражает степень разработки как научных, так и прикладных проблем, и полемику, и порой противоборство направлений в науке, имеет чрезвычайно важное значение в развитии науки. В съезде можно увидеть срез актуального состояния, спектр, представляющий в данный момент все существующие теории, искания, мнения, в материалах съезда виден вектор развития. Нам уже неоднократно приходилось писать, что в корпусе психологического знания представлены одновременно существующие по-

токи академической (научной) психологии, философской, практико-ориентированной и т.д. Все они имеют свои функции, их представленность в массиве психологического знания совершенно необходима для нормального развития науки [12], [13]. Именно съезды, собирающие разных представителей, разрабатывающих проблемное поле психологии разными методами, наиболее информативны с точки зрения диагностики развития науки.

О Втором всероссийском съезде по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии, проходившем в Петрограде с 3 по 10

января 1924 г., нам известно, как и о Первом всероссийском по психоневрологии, тоже немного, несмотря на то, что упоминание о нем встречается не так уж редко.

В современной литературе заметно два повода, инициирующих воспоминания об этом научном мероприятии. Первый повод – итоговый, когда автору хочется сказать об окончании борьбы между Г.И. Челпановым и К.Н. Корниловым [1, с. 25]; [4, с. 11-12]; [18, с. 101]; [22, с. 528]: сторонники второго победили.

Второй повод связан с конкретным человеком – Л.С. Выготским. В его биографии, рассказанной много раз и многими, говорится об участии его в этом съезде как событии поворотном и знаковым. М.Г. Ярошевский пишет о превосходной осведомленности молодого гомельского педагога Выготского в столичных научных делах: ему «представлялось, что будущее психологии – в приложении рефлексологических методик» [23, с. 51], и с этой мыслью он готовился к съезду. «Выготский заявил на съезде несколько сообщений, но главным среди них, сыгравшим решающую роль в изменении судьбы (переезде его в столицу) был его доклад о применении рефлексологической методики в психологии» [23, с. 51]. По мнению М.Г. Ярошевского, именно петроградский доклад Выготского с последующими публикациями дают основание называть первый период творчества ученого как «психорефлексологический» [23, с. 53]. Об этом же пишут А.А. Леонтьев [11, с. 19], А.А. Парамонова [15, с. 67], И. Рейф [16, с. 127] и многие другие.

Целостную картину Второго всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии трудно представить по той же причине, что и на Первом всероссийском психоневрологическом съезде: экономические трудности в стране, в том числе с бумагой, не дали напечатать отдельным томом материалы съезда. Тем не менее, некоторые источники разного характера сохранились:

– небольшая заметка И.А. Арямова¹, выступившего с критикой предварительной работы организационного комитета: «На съезд было представлено около четырехсот докладов, ...образовано было десять секций, заседавших одновременно и заваленных докладами; делегаты съезда ... не имели возможности бывать в других секциях» [2, с. 99], к тому же было много докладов «неинтересных и малоценных, только отнимавших время; некоторые доклады были настолько слабы, что члены съезда открыто воз-

мущались их малоценностью и ученическим характером»² [2, с. 100];

– статья ленинградского психолога М.Я. Басова, написанная по итогам съезда [3];

– расписание заседаний съезда [5], напоминающее современные «программы», представляет собой список запланированных и ожидаемых 74 заседаний 10 секций (секция нормальной и патологической рефлексологии – В.М. Бехтерев; секция рефлексологии труда и технической рефлексологии (психотехника) – В.П. Кошкодамов; секция криминальной рефлексологии и психологии – П.И. Люблинский; секция педологии и экспериментальной педагогики – И.В. Эвергетов; секция педологии – А.П. Болтунов; секция детской дефективности – А.С. Грибоедов; секция неврологии и невропатологии – М.П. Никитин; секция психиатрии – В.П. Осипов; секция гипноза, внушения и психотерапии – А.В. Гервер; секция терапии нервных и душевных заболеваний – С.А. Бруштейн) в самых различных сочетаниях предметных отраслей. Неизвестно, сколько на самом деле собирались секции и в каком составе, т.к. остальные источники представляют собой авторские отчеты, в разной степени полно описывающее происходившее;

– несколько коротких заметок в газетах «Правда» и «Известия». Они анонимны, порой небрежны (профессор Бехтерев дважды назван профессором Дегтеревым), зачастую только обозначают, перечисляют происходившие события [6], [14], [20];

– самый полный обзор уже прошедшего съезда (и самый известных историографический источник), написанный публицистом Г. Даян³ [8]. Надо отметить, его бойкое перо со знанием дела описало работу некоторых секций (дефективного детства, криминальной психологии, психотехники) и отдельных выступающих (А.П. Нечаев, В.М. Бехтерев, А.Б. Залкинд, Л.С. Выготский, А.А. Ухтомский);

– заметка А.Б. Залкинда в газете «Правда» [10];

– большая и подробная статья о работе педологической секции А.П. Серебренникова⁴ [16];

– эмоциональные впечатления ленинградского ученого-рефлексолога А.В. Дубровского [9];

– подробный обзор работы рефлексологической секции, сделанный ее секретарем А.Л. Шнирманом. Он отметил, что на всех заседаниях было заслушано 326 докладов, и самыми многочисленной была группа докладов по реф-

лексологии, т.к. эта секция собиралась чаще остальных и совместно с психологической, педологической, психиатрической секциями, с секцией детской дефективности [21].

Эти документы эпохи позволяют представить содержательное разнообразие и идеологический накал съездовских дней.

И.А. Арямов отмечал, что этот съезд – прямая противоположность предыдущему, первому, прошедшему год назад в Москве. Они разнятся, как написал очевидец, «настроением»: на съезде были «самостоятельные секции: 1) нормальной и патологической рефлексологии, 2) рефлексологии труда и технической рефлексологии, 3) криминальной рефлексологии, чтобы понять, под каким знаменем работал съезд... Это знамя – материализм, а методы работы – объективное изучение высшей нервной деятельности (поведения) животных и человека» [2, с. 99]. Господствующая на съезде рефлексология была представлена тремя петроградскими школами: И.П. Павлова, В.М. Бехтерева и В.Е. Введенского, и школа Бехтерева была самой многочисленной, отличавшейся особенностями: «стремлением ответить на возможно большее количество вопросов психоневрологии, вытекающую отсюда торопливость делать иногда рискованные выводы и обобщения, не имея в своем распоряжении достаточного количества научно проверенных фактов и, часто, неосторожное обращение с арсеналом всевозможных понятий субъективной эмпирической психологии» [2, с. 100]. И.П. Павлова на съезде не было, а вот прочитанные его учениками «доклады являлись образцами строго научного подхода к изучению условных рефлексов» [2, с. 100].

Что касается «школы Челпанова», о которой так восторженно отзывалась П.О. Эфрусси в брошюре «Успехи психологии в России», то мы не можем утверждать, кто из многочисленных учеников Г.И. Челпанова выступал на съезде, хотя заявлены были многие [5]: Н.И. Жинкин, В.Н. Экземплярский, Н.В. Петровский, П.С. Попов, И.Н. Дьяков, П.А. Шеварев и⁵ др. Как отметил ярый сторонник В.М. Бехтерева А.В. Дубровский, «сторонники "духа", "сознания" оказались побежденными на съезде, недаром (очевидно чувствовали) не приехали такие силы субъективизма, как проф. Челпанов, а прислали своих ассистентов, которым лучше бы было не выступать на съезде, слишком уж несостоятельны их доклады» [9, с. 25].

В больших количествах была продемонстрирована революционно-боевая лексика: «бой»,

«удар», «фронт», «выстрелы», «окончательная победа» – подобная риторика задала тон на долгие годы вперед.

Как сообщала газета «Известия», на начало съезда прибыло 550 человек [6], затем в течение нескольких дней продолжали приезжать, и окончательная цифра участников – около 1500 человек⁶, из них 906 – действительных членов, из которых 429 врачей [8, с. 163]; [21, с. 354]. Съезд открыл заведующий академическим центром профессор М.П. Кристи⁷, академик В.М. Бехтерев сделал приветственный доклад от имени съезда, призвавший науку к единению с трудом. Далее, по традиции, избрали почетными членами президиума Г.Е. Зиновьева, А.В. Луначарского, Н.А. Семашко и др., отправили телеграмму В.И. Ленину с пожеланиями скорейшего выздоровления.

Уже на первом пленарном заседании определилась расстановка сил съезда, повлиявшая на дальнейший его ход. Участники заслушали доклад А.П. Нечаева «Психология как наука и ее современное значение», указавшего, что переживаемый пересмотр взглядов в науке привел многих к заключению, что психология, основанная на самонаблюдении, не имеет права на существование, и что развитие объективного метода изучения личности может заменить психологию. Корреспондент так описывает свое впечатление: «Докладчик пытается защитить психологию от этих взглядов, полагая, что при изучении личности не должно быть ни идеалистического, ни материалистического подхода (?), и что психология должна привести к братству народов (?)» [6, с.3]. Другой свидетель событий съезда – Г. Даян – также отмечает, что Нечаев начал с «декларации субъективизма и идеализма в психологии, искусно прикрытых формулами философского нейтралитета» [8, с. 155], маскирующий «политику интервенции, «дружественного вмешательства, закрепления «сфер влияния и пр.» [8, с. 155]. Досталось и школе Челпанова – «преемнице св. Августина», ставящей во главу угла интроспекцию. По мнению Г. Даяна, хотя субъективный и объективный методы не совместимы, все же целиком выбрасывать интроспекцию из методологии познания нельзя, самонаблюдение можно оставить в психотехнике и психоанализе. Не понравился автору лжегуманизм А.П. Нечаева, защищавшего самонаблюдение как «базу гуманности»: Даяна возмущают слова профессора: «Безысходность борьбы нашего времени берет свой источник из недостаточного развития самонаблюдения. Люди не входят в положение другого

человека» [8, с. 157], т.е., выходит, что «деспот-правитель, фабрикант-эксплуататор поэтому-де жестоки и бессовестны, что не прониклись принципом самонаблюдения» [8, с. 157].

Вторым участником дискуссии первого дня выступил академик В.М. Бехтерев – «он наносил удар за ударом приверженцам субъективизма в психологии» [8, с. 157]. Его доклад «Основы генетической рефлексологии» был посвящен описанию исследования детей, «расшифровке ребенка»: «Постепенное созревание человеческих свойств дается генетической рефлексологией. На ребенке мы наблюдаем развитие и наслаивание рефлексов высшего порядка. От простых двигательных местных рефлексов... к сложным и концентрированным рефлексам. На рефлексах – и только на них – мы можем установить психическую жизнь личности. Ибо личность – это совокупность рефлексов, внешних проявлений, разнообразных реакций на внешнюю среду» [8, с. 157]. Даян отмечает отличительную особенность Бехтерева – «превосходный классификатор», о чем свидетельствует его «Коллективная рефлексология». Все же позиция рефлексологов встретила ряд замечаний: нельзя выяснить процесс мышления; все сводить к рефлексам – грубая ошибка; рефлексология мало дает для изучения как человека, так и животного.

А.Л. Шнирман особо останавливается на ключительном слове В.М. Бехтерева, отметившем «причину многих возражений в том, что оппоненты не уяснили себе сущности рефлексологии» [9, с. 360]. Как объясняет Шнирман, если психологи «обращают объективные и субъективные данные на составление представления о субъективных переживаниях», что приводит к ошибкам, то рефлексологи свое исследование обращают «на изучение внешних проявлений личности в зависимости от внешних же причин», что дает «вполне объективные признаки количественного и качественного различия для различных личностей» [9, с. 361]; объективное изучение учитывает все внешние проявления поведения человека. Совместная работа с психологами рефлексологу А.В. Шнирману представляется возможной только если «психология будет базироваться на точном объективном изучении и не будет ставить своей задачей изучение сознания. Лишенная этого фундамента, психология... может быть, уже немного лет спустя... она будет казаться лишь пережитком старины» [9, с. 362].

Г. Даян особо останавливается на выступлении К.Н. Корнилова, давшего «бой по всей ли-

нии широкого фронта современной психологии» [9, с. 158]. Корнилов отметил, что нарождается новая психология: «новая наука реактология изучает человека не только как биологический фактор, но и как социологический. Организуется тесная связь между общественными науками и психологией в виде единой науки о поведении человека» [20, с.3].

По сути борьба между двумя направлениями в психологии заключалась «в понимании самого объекта изучения. Субъективисты видят свою задачу в изучении душевных переживаний или душевных явлений. Объективисты – в изучении поведения человека» [8, с. 160] с применением соответствующих методов: самонаблюдение и объективные и экспериментальные методы соответственно. Но ни те ни другие не достигают своей цели в изучении человека, ибо «анализ и описание не дают ничего» [8, с. 160], так как поведение человека – явление биосоциологическое, только синтез биологических и социологических данных может решить эту загадку, и рефлексология способна эта сделать, если «откажется от фигового листка идеалистической стыдливости и философской беспринципности» [8, с. 160].

Четко звучит призыв классового подхода: «Без определенной философской концепции нельзя жить и жизненно действовать. Беспринципность нашей современной психологии есть не что иное, как защитный рефлекс против философии марксизма» [8, с. 161].

На I всероссийском съезде по психоневрологии (Москва, 1923 г.) психотехника как самостоятельная прикладная отрасль психологии была лишь заявлена. На Втором съезде по этой проблематике планировалось уже 8 заседаний. Значение этой секции, названной как «секция рефлексологии труда и технической рефлексологии (психотехника)» [5], признавалось важным: «она обобщает рациональное распределение по профессиям рабочей силы государства, а с точки зрения личной – полное удовлетворение запросов отдельного индивидуума» [8, с. 234]. Особо пристальное внимание вызывали проблемы изучения профессиональной ориентации, утомления и рабочих движений, которые возможно исследовать только при постоянном «идейном и материальном содействии искательской работы со стороны государства, профсоюзов и заинтересованных учреждений» и «строго объективном изучении личности трудящихся в связи с окружающей ее социальной средой, прошлым индивидуальным опытом и наследственными свойст-

вами» [8, с. 234]. Среди множества запланированных докладов (всего 35) были доклады как по методологическим проблемам психотехники (А.К. Борсук «Что такое труд», Г.А. Коган «Проблемы рабочего физического труда и эволюция научных дисциплин, обслуживающих изучение физического труда», П.О. Эфрусси «К методике психотехнических исследований», И.Н. Шпильрейн «Трудовой метод анализа профессий» и др.), так и по прикладным проблемам (В.И. Рабинович «Роль школы в профессиональной консультации», А.Ф. Вербов «Изучение движений в производстве ящиков», А.П. Бружес «Рационализация работы заступом», А.А. Страхович «Об изучении очередей на Петроградской Центральной Бирже Труда», Н. Леонов «Организация системы немых справок в организациях» и т.д.).

На заседании педологической секции представитель власти З.И. Лилина⁸ отметила, что педология до сих пор изучала ребенка вне социальной среды, воздействующей на него. Эту среду необходимо изучать «с целью выработки методов подхода к ребенку для создания из него сознательного и активного коллективиста» [17, с. 101]. Данному вопросу был посвящен доклад А.Б. Залкинда «Дети и современность», поставившего вопрос о марксистском пересмотре всей современной педологии. По словам Залкинда, «воспитание может быть лишь классовым, оно должно быть в интересах широких масс; оно должно готовить коллективистов, материалов, активных граждан рабоче-крестьянской трудовой республики» [17, с. 102]. Это выступление вызвало оживленные одобрительные подтверждения правоты докладчика со стороны А.П. Пинкевича, И.Ф. Куразова, Н.М. Щелованова, академика В.М. Бехтерева, часть участников секции «отказались от ряда положений, которые не давали возможности подойти к ребенку с точки зрения коллективизма и материализма» [17, с. 104]. После доклада А.Б. Залкинда, «обосновавшего необходимость новой педологии, изучающей ребенка как биосоциальное существо», последовали сообщения, рисующую конкретную картину: какой он – современный ребенок? в какой социальной среде он живет? [17, с. 102].

Педологов буквально потрясло выступление профессора А.С. Золотарева⁹ «Психологические типы в условиях современной школы», подытоживающее пятилетнее исследование (свыше 1000 анкет); он на фоне победных и сверхоптимистичных реляций говорил о большой трагедии страны, забывшей своих маленьких граждан.

Войны, революции, голод, лишение родительского тепла, порой физическое уничтожение родителей на глазах у детей, болезни привели к тому, что «там, где надо смеяться, некоторые дети чуть не плачут. Болезненность среди школьников громадна. Масса малокровных; ...расстройства речи у детей; ...вялость, леность из чувства самосохранения. Дети недописывают слова. ...слабая восприимчивость детей, большое желание идти по линии наименьшего сопротивления... крайняя нервозность детей» [17, с. 104-105]. Конечно же, сразу встали вопросы: соответствует ли эта мрачная картина действительности? неужели после всех потрясений выжили лишь слабые элементы? правда ли, что дети именно такие, какими рисует их Золотарев? [15, с. 106] – так были потрясены (или делали вид?) слушатели. З.И. Лилина посчитала, что «докладчик не усмотрел того большого движения, которое происходит и стенах, и за стенами школы. Он не усмотрел пионерского, комсомольского движения, не учел количества кружков учащихся, количества собраний, ими устраиваемых. Положение не безнадежно. Дети активны, надо только видеть активность детей, подхватывать и направлять ее» [17, с. 106]. К мнению Лилиной присоединился Ю. Пинус, призвавший бороться с излишней школьной нагрузкой детей, «которые теперь стараются, во вред здоровью, нагнать упущенное время» [17, с. 106].

Далее о своих исследованиях с помощью метода анкет выступали профессор Д.И. Азбукин («Психология школьников в начале Октябрьской революции»), преподаватель из Самары С.М. Василейский («Идеалы детей по данным анкеты в Самаре»), преподаватель из Гомеля Л.С. Выготский («Результаты анкеты о настроениях учащихся в условиях современной школы»), педагог М.С. Бернштейн¹⁰ («Метод биогенетических монографий»), психологи И.П. Дьяков («Развитие социального сознания ребенка») и И.В. Эвергетов («Развитие социального чувства у детей»). О физической организации ребенка говорили профессор М.С. Маслов («Значение конституционных моментов»), доктор И.М. Левинсон («Об антропометрических особенностях современного детства»). Был необычный доклад профессора М.Я. Брейтмана «О подземном корне человека и его значении для педологии» – о своем оригинальном антропометрическом методе, важном «для определения размера парт, для наблюдения за физическим воспитанием и влиянием на организм различных видов спорта, для

оценки различных гимнастических систем и пр.» [17, с. 112].

В выступлениях профессора М.Я. Басова и его сотрудников «отшлифовывался метод наблюдения» [17, с. 112]. В точном, научно поставленном виде метод объективного наблюдения недоступен педагогическим массам, но в дальнейшем, при соответствующей педагогической подготовке, он будет широко употребляться. По мнению М.Я. Басова, «педагогическая работа без науки ... слепая работа. Необходимо культивировать педагогов-исследователей, тем более, что педагог все время находится в условиях экспериментирования» [15, с. 112].

Доклады З.К. Столица, А.П. Болтунова, профессора А.С. Дурново, Н.М. Щелованова были также посвящены методам изучения ребенка.

Большой интерес вызвала секция гипноза, внушения и психотерапии, которая собиралась четыре раза, дважды из них – вместе с секцией детской дефектологии.

Громадный интерес вызвали доклады секции гипноза, рисующие последние успехи гипноза в русской медицине, значительно опередившей западноевропейскую, где подобных наблюдений еще не имеется. А.П. Каптерев в докладах «К вопросу о природе гипнотических явлений» и «Внушение в гипнотическом состоянии, как фактор со страданиями человека и необходимое изучение его в клинической обстановке», «анализируя громадное количество применяемого им гипноза, объяснял сущность его особой физико-химической энергией, которая от гипнотизера исходит на гипнотизируемого. Большинство выступавших участников съезда не соглашались с такой точкой зрения, объясняя гипнотические явления определенным торможением центров мозга при получении соответствующих условных рефлексов» [7, с.4].

Доктор М.Г. Вечеслов дал отчет о работах московского гипнологического общества в 1922-1923 г. и «указал на ряд проведенных в нем экспериментов даже с мысленным гипнозом на большом расстоянии и с массовым гипнозом в аудиториях» [7, с.4].

В докладе «Опыт применения гипноза в большой и малой хирургии и родовспоможении» (совм. с Вельковским) профессор К.И. Платонов привел 20 случаев примененного им гипноза для обезболивания во время операций. «Случаи родов после внушения и гипноза протекали совершенно безболезненно. «Роженицы рожали, – по словам профессора, – буквально с улыбкой на

лице. Ряд мелких операций (удаление ряда зубов, выскабливание, вскрытие опухолей и т.д.) прошел совершенно безболезненно после гипноза. Наиболее интересным является случай тяжелой операции со вскрытием брюшной полости, причем операция продолжалась около часа. Оперированная после гипноза не чувствовала ни малейшей боли» [7, с.4]. Газета «Правда» также отметила этот доклад. «Академик Бехтерев и профессор Платонов подтвердили возможность телепатии, которую, конечно, нельзя смешивать с мистицизмом и спиритизмом» [12, с. 2]. О гипнозе был доклад петроградских докторов Н.П. Казаченко-Триродова и В.П. Федорова: при операциях «гипноз вполне заменял наркоз, и только в редких случаях во время операции приходилось давать несколько капель хлороформа. Общий вывод всех выступавших, что применение гипноза и внушения при операциях вполне заменяет наркоз и совершенно безвредно» [7, с.4]. Рассказывая «О применении гипноза и внушения при меланхолических состояниях», профессор А.В. Гервер подчеркнул правильность и полезность применения гипноза при тоскливых состояниях у психастеников и истериков, но вредным – у больных с поражением интеллектуальной сферы и при паранойе [7].

Все казалось понятным, и А.В. Дубровский пишет с большим оптимизмом: «Ленинградскому институту мозга удалось установить, что в так называемой передаче мыслей на расстоянии мы имеем дело... с одним из видов энергии; мозг одного человека является индукционным аппаратом, посылающим энергетические волны, а мозг другого человека воспринимает эти волны» [9, с. 27].

Кроме упомянутых сообщений на заседаниях секции гипноза, внушения и психотерапии были прочитаны доклады «К критике психоанализа в медицине и педагогике», «Опыт применения психоанализа к изучению детской дефективности» (И.А. Перепель), «Религия и либидо в учении у Фрейда» (М.А. Рейснер), «Результаты психотерапии убеждением» (С.Н. Каричкин), «Гипноз и внушение в музыке» (В.М. Нарбут), «Психоанализ и методы воспитания из него вытекающие» (П.Г. Бельский) и др.

Силу гипнотического воздействия считали столь важной, что съезд признал крайне необходимым введение на медицинских факультетах преподавания гипноза и внушения, одновременно считая «недопустимым разрешение производства сеансов гипноза и внушения лицам, не

имеющим специального врачебного образования» [8, с. 233].

Секция криминальной психологии, ярко выступившей на I психоневрологическом съезде под руководством профессора С.В. Познышева, на II съезде была названа секцией криминальной рефлексологии и психологии, уже под руководством П.И. Люблинского и предварительно набрала 15 докладов. По мнению очевидца, «в вопросах общей преступности неизменно выдвигалась социальная база преступности» [8, с. 230], хотя некоторые криминологи все еще продолжали подчеркивать конституциональные элементы преступности. Но все сошлись в одном: «без благоприятных для преступления обстоятельств, заключающихся в социальной среде, преступления могли бы и не совершаться даже и при наличии биологической к ним предрасположенности» [8, с. 230].

Докладов на секцию детской дефективности (руководитель – профессор А.С. Грибоедов) пришло было столько, что в предварительной программе планировалось восемь ее заседаний. Основным вопросом на съезде был вопрос о моральной дефективности. А.С. Грибоедов в своем докладе «Детская психопатия», отметив тяжелые условия прошедших войн и революции, ухудшивших положение детей и «повысивших их дефективность», подчеркнул: «линия нашего поведения обуславливается не только давлением социальной среды, но и анатомо-физиологическими особенностями организма. Необходимо изучать и определить роль обоих факторов детской дефективности – биологический и социальный» [8, с. 227]. Б.О. Маргулис («К вопросу о распознавании дефективности в раннем детстве») посвятил свое выступление психологии младенцев (до 3 лет), т.к. этот возраст – решающий для диагностики и аномалий развития и детской дефективности.

Профессор А.В. Гервер в своем докладе «Опыт классификации трудновоспитуемых детей» разделяет трудновоспитуемых детей на: а) детей с болезненными симптомами в нервно-психической сфере и б) детей, не обнаруживающих определенных болезненных признаков, но представляющих большие затруднения для воспитания вследствие жизненных условий, в которых они находились» [8, с. 229]. По его статистике «детей с болезненной невро-психической конституцией 75%» [8, с. 229], 25% составляют дети педагогически запущенные («дети с крайне ограниченным запасом сведений и крайне неус-

тойчивым поведением») и педагогически-отсталые («дети, не обнаруживающие заметных страстностей в поведении, но проявляющие весьма ограниченный запас сведений, не соответствующих их возрасту») [8, с. 229].

В резолюции съезда по детской дефективности было отмечено, что изучение личности ребенка и влияющих на нее социальных условий необходимо углублять, так как именно на нем основан прогресс методики перевоспитания.

Влияние выступления А.Б. Залкинда отмечалось в пункте: «Сближение с жизнью, политическое воспитание и сублимация психической энергии ложатся в основу дальнейшей разработки вопросов воспитания. Создание положительных социальных условий жизни и борьба с детской беспризорностью является лучшей профилактической мерою в борьбе с дефективностью» [8, с. 230].

Для правильной организации практической работы по перевоспитанию и обучению дефективных детей, проводимых только специально подготовленными работниками, «съезд отметил государственную важность специальных высших учебных заведений по подготовке научно-образованных педагогов-дефектологов» [8, с. 230], для чего необходимо в скором времени ввести педологические и дефектологические дисциплины в программу медицинских и педагогических факультетов, соответствующих техникумов, школ и курсов.

Второй психоневрологический съезд был настоящим триумфом для профессора А.Б. Залкинда. Изначально он заявил шесть докладов в различных секциях: «Война и психоневрозы» (секция неврологии и невропатологии), «Место Фрейда в современной биологии», «Детские психопатии в коммунистической педагогике» (секция гипноза, внушения и психотерапии и детской дефективности), «Революция и психоневрозы», «Нервные и душевные расстройства у маляриков» (секция психиатрии), «Дети и современность» (секция педологии и экспериментальной педагогики). Основная мысль, прошедшая через все доклады Залкинда – синтез между психическим и социальным, который им противопоставляется «нейтральности, аполитичности в подходе к человеческой психике... – ветеринарному подходу к человеку» [8, с. 162]. Корреспондент «Известий» пишет: «проф. Залкинд отметил связь в развитии психозов и неврозов среди солдат с той социальной обстановкой, в которой происходит война. Психоневрозы были распространены в

старой армии, а в Красной армии мы видим обратные явления, ибо война не является вынужденной, а является актом самозащиты. Именно социальная обстановка войны должна предохранить от развития психоневрозов» [20, с.3]. Сам докладчик отметил, что его точка зрения по данному вопросу вызвала активную, вполне сочувствующую речь академика Бехтерева и соответствующее же, вполне оформленное в этом же духе заключительное слово... киевского невролога профессора Селецкого. Отсюда и практические выводы: о военной пропаганде среди населения как противоневрологическом средстве, о политической работе в Красной армии и т.п.» [10, с.1]. Таким же ярким было сообщение по психоанализу, где было заявлено, что учение «Фрейда можно и должно использовать в совершающейся сейчас в критическо-синтетической научной работе по созданию исчерпывающего диалектического и материалистического мирозерцания. Необходимо лишь предварительно провести очистку учения Фрейда от дуалистических и метафизических элементов» [20, с. 3].

На педологической секции своим докладом «Дети и современность» А.Б. Залкинд ввел «педологию в цикл общественных наук» [17, с. 103]. Поистине революционными были его слова о классовости воспитания: «оно должно готовить коллективистов, материалистов, активных граждан рабоче-крестьянской трудовой республики» [17, с. 103], важнейшая роль здесь отводится социальной среде, к которой ребенок приспособляется.

Действительно, выступления А.Б. Залкинда пользовались большим успехом – «они собирали максимальное число слушателей, членов съезда и гостей. Аудитории... были буквально переполненными. И слушали его с неослабным напряженным вниманием» [8, с. 164], свидетельством чему служит принятие отдельной резолюции по его докладам: «Заслушав серию докладов А.Б. Залкинда, представляющих собою последовательный социологический анализ ряда неврологических, психопатологических и педологических проблем в свете революционной общественности, – съезд приветствует этот подход к основным вопросам психоневрологии. Вместе с тем съезд подчеркивает, что условия жизни в СССР теперь таковы, что ряд важнейших психоневрологических проблем могут быть впервые действительно объективно научно освещены с социологической и классовой точки

зрения. Одновременно съезд находит, что в процессе экономического роста СССР условия развивающейся революционной советской общественности обеспечивают наилучшую атмосферу для предупреждения и лечения нервно-психических заболеваний как мирного, так и военного времени, а также для педагогической работы, теоретической и практической» [8, с. 164].

Для Л.С. Выготского – пока неизвестного никому молодого психолога из гомельского педтехникума – этот съезд также был значительной датой, ознаменовавшей начало нового, московского, периода жизни. В своих трех выступлениях он доложил о результатах исследований за 1922-1923 гг. В первом докладе, методологическом, «Методика рефлексологического исследования в применении к изучению психики» Л.С. Выготский говорит о рефлексологии как одном из методов психологии, более того, «о необходимости и плодотворности самого тесного сплетения обоих методов, их общего применения при экспериментально-психологических и рефлексологических исследованиях. ...за это же говорит и практический опыт целостного изучения какого-либо явления» [8, с. 165].

Во втором докладе – методическом – психолог и педагог высказывал мнение о том, как надо сейчас преподавать психологию. Его позиция была такова: психологию необходимо сохранить в курсе средней школы и в педагогических вузах; учебная дисциплина психология должна связывать естественные и гуманитарные науки, т.к. одна часть тесно «примыкает к физике, физиологии, зоологии» [8, с. 166], а часть – «к политической экономии, истории, литературе» [8, с. 166]; курс нужно строить на основах рефлексологии; задачи, принципы и методы курса «должны исходить из психологии как науки о поведении живых существ» [8, с. 166].

Третье выступление Выготского – «Результаты анкеты о настроениях учащихся в выпускных классах Гомельских школ в 1923 г.» подробно упоминается в двух источниках [8], [17], как представляющее значительный общественный интерес. Г. Даян признает, что метод анкеты, несмотря на несовершенство, – почти единственный способ ознакомиться в общих чертах с социальными представлениями современной молодежи, а данная анкета – «образцовая анкета для подобного обследования, ...мы ее рекомендуем» [8, с. 234]. В опросном листе предлагалось ответить на вопросы о своих внешних данных, семье,

школе, отношении к общественности и политике, религии и национальности, профессии и будущей жизни, о любви и половом вопросе, внешкольной жизни, умственных интересах и душевном настроении. Рецензента поразили «невероятная пестрота ответов на каждый вопрос», «психическая асимметрия» [8, с. 236] учащейся молодежи, где «легко усмотреть след социальной асимметрии поколения» [8, с. 237]. Другой автор – Серебрякова – также обратила внимание на результаты анкеты: «в то время как старое поколение в значительной степени осталось при прежних своих идеалах, у нового поколения заметен сильный сдвиг, вызванный революцией. ... столкновение двух поколений в вопросах религиозных и политических» [17, с. 105].

Второй всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии показал, что интерес к изучению человека в стране огромен – количество участников значительно возросло по сравнению с Первым всероссийским психоневрологическим съездом (Москва, 1923).

Основной итог съезду подвел В.Я. Басов: «Минувший съезд был своего рода консилиумом, установившим наличность кризиса. В работе съезда мы находим также указания на непосредственные источники развития этого состояния» [3, с. 231]. Он же отмечает, что перспективы развития психологии также видны в работе съезда: «нарождающаяся новая психология будет построена на совершенно новом базисе. Ее первой, главной и основной победой будет преодоление того наивного, грубого дуализма между физическим и душевным» [3, с. 235]. «Новая психология будет построена на строго монистическом базисе. Она будет знать лишь единый реальный жизненный процесс, который в зародышевой клетке по существу своему тот же, что и в сложном организме человеческой личности» [3, с. 236]. Она будет «эмпирической наукой больше, чем когда-либо до сих пор. Нам чужда всякая мысль о возможности умозрительно решать ее реальные проблемы» [3, с. 237]. Двигаясь в этом направлении, произойдет перестройка теоретического базиса психологии за счет изживания ее порока – индивидуалистического характера. Изучение личности в ее индивидуальной данности недостаточно, нужно перейти на изучение социальной личности, и это должно быть близко психологии поведения. Соответственно, необходимо развивать методы исследования социальной личности, где метод наблюдения и ес-

тественного эксперимента приобретают большое значение. Расширенная тематика секций (10 – против 7 в 1923 г.) также говорят об этом. Усилился идеологический контекст: подчеркивание важности социальной среды для воспитания нового человека и перевоспитания «старого» звучало в резолюции каждой секции. Психология и рефлексология, как ее важная часть, были признаны именно тем инструментом, с помощью которого и произойдет это чудесное преобразование человека, о чем свидетельствуют требования о преподавании рефлексологии в школах и различных вузах [2, с. 102]. Резолюция гласила: «Признать необходимым ввести преподавание в трудовых школах и в высших учебных заведениях СССР как самостоятельный предмет, науку об объективном изучении животных и человека в объективном изучении естественных наук, основным содержанием которой должно явиться выяснение внутренних (биологических, физико-химических) и внешних физических факторов, определяющих развитие личности и ее поведение» [8, с. 164].

«Следующий съезд окончательно погребет субъективную психологию, многотомные же сочинения сдадутся в архив как воспоминания о бесцельно потерянном времени в течение целых столетий» [9, с. 27].

Помимо ряда резолюций делегаты съезда приняли проект образования Всесоюзной психоневрологической ассоциации, целью которой должно стать изучение нормальных и анормальных личностей с биологической точки зрения, объединив всех работающих в этих областях. Намечалось, что проект воплотят в жизнь авторитетные ученые: В.М. Бехтерев, В.П. Осипов, А.В. Гервер, А.П. Нечаев, К.Н. Корнилов, В.В. Крамер, А.Б. Залкинд [21].

Следующий психоневрологический съезд планировался в Харькове в 1925 г. [2], [21], но, как мы знаем, он не состоялся.

Библиографический список

1. Артемов В.А. Психология в СССР за 25 лет [Текст] / В.А.Артемов // Советская педагогика. – 1942. – № 10. – С. 24-30.
2. Арямов И. Второй всесоюзный съезд по психоневрологии в Ленинграде [Текст] / И. Арямов // На путях к новой школе. – 1924. № 2. – С. 99-102.
3. Басов М.Я. Кризис психологии (К итогам II Всесоюзного съезда по психоневрологии) [Текст] / М.Я.Басов // Просвещение. Сборник педагогических и методических статей. № 4. Л.: Госиздат. – 1924. – 256 с. - С. 231-242.

4. Будилова Е.А. Труды по истории психологии. Философские проблемы советской психологии [Текст] / Е.А.Будилова. – М.: Наука, 2009. – 504 с.

5. Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) в Петрограде с 3 по 10 января. Расписание занятий. [Текст] – Пг., 1924. – 24 с.

6. Всероссийский съезд по психоневрологии [Текст] / Известия ВЦИК. – 1924. – 04.01. – С. 3.

7. Гипноз в медицине [Текст] / Известия ВЦИК. – 1924. – 08.01. – С. 4.

8. Даян Г. Второй психоневрологический съезд [Текст] / Г. Даян // Красная новь. – 1924. № 2. – С. 155-166; № 3. – С. 223-238.

9. Дубровский А.В. Материя и дух (Впечатления о Всесоюзном съезде по рефлексологии, психологии, педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии) [Текст] / А.В. Дубровский // Просвещение. – 1924. - № 3-4. – С. 23-27.

10. Залкинд А. Психоневрология и революция (Со второго Всероссийского съезда по психоневрологии) [Текст] / А. Залкинд // Правда. – 1924. – 10 января. – С.1.

11. Леонтьев А.А. Л.С. Выготский. Кн. для учащихся 9-11 кл. сред. шк. [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1990. – 158 с.

12. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] / В.А.Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. - № 2, том 2 (психолого-педагогические науки). -2013. - С. 149-155

13. Мазиллов В.А. Методологические проблемы исследования индивидуальности в психологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. - № 1, том 2 (психолого-педагогические науки). – 2012. - С. 208-218

14. На съезде психоневрологов [Текст] / Правда. – 1924. – 09 января. – С. 2.

15. Парамонова А.А. Открытие детства в России: развитие научного знания о ребенке в истории отечественной психологии конца XIX - начала XX вв. [Текст] / А.А. Парамонова. – Ижевск: ERGO, 2010. – 172 с.

16. Рейф И. Гении и таланты. [Текст] / И. Рейф. М.: Издательство «Права человека», 2007. – 192 с.

17. Серебренников А.П. Педологическая секция 2-го всероссийского психоневрологического съезда в Ленинграде [Текст] / А.П. Серебренников // Педологический журнал. – 1924. – № 1. - С. 101-115.

18. Смирнов А.А. Пути развития советской психологии // XVIII международный психологический конгресс. – М., 1969. С. 95-124.

19. Стоюхина Н.Ю., Мазиллов В.А. Забытый съезд: Первый всероссийский съезд по психоневрологии [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. - № 4, том 2 (психолого-педагогические науки). – 2013. - С. 251 – 260.

20. Съезд психоневрологов [Текст] / Известия ВЦИК. – 1924. – 05.01. – с. 3; 06.01. – с. 3; 11.01. – с. 2.

21. Шнирман А.Л. Рефлексологическая секция Всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии [Текст] / А.Л. Шнирман // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. – М.-Л., 1925. – 392 с. - С. 354-375.

22. Ярошевский М.Г. История психологии. [Текст] / М. Г. Ярошевский. – М., 1966. – 565 с.

23. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии; предисл. Е.Е. Соколовой. [Текст] / М.Г. Ярошевский. М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 304 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Artemov V.A. Psikhologiya v SSSR za 25 let [Tekst] / V.A.Artemov // Sovetskaya pedagogika. – 1942. – № 10. – S. 24-30.

2. Aryamov I. Vtoroj vsesoyuznyj s"ezd po psikhonevrologii v Leningrade [Tekst] / I. Aryamov // Na putyakh k novoy shkole. – 1924. № 2. – S. 99-102.

3. Basov M.YA. Krizis psikhologii (K itogam II Vsesoyuznogo s"ezda po psikhonevrologii) [Tekst] / M.YA.Basov // Prosveshhenie. Sbornik pedagogicheskikh i metodicheskikh statej. № 4. L.: Gosizdat. – 1924. – 256 s. - S. 231-242.

4. Budilova E.A. Trudy po istorii psikhologii. Filosofskie problemy sovetskoj psikhologii [Tekst] / E.A.Budilova. – М.: Nauka, 2009. – 504 s.

5. Vserossijskiy s"ezd po pedologii, ehksperimental'noj pedagogike i psikhonevrologii (2-j s"ezd po psikhonevrologii) v Petrograde s 3 po 10 yanvara. Raspisanie zanyatij. [Tekst] – Pg., 1924. – 24 s.

6. Vserossijskiy s"ezd po psikhonevrologii [Tekst] / Izvestiya VTSIK. – 1924. – 04.01. – S. 3.

7. Gipnoz v meditsine [Tekst] / Izvestiya VTSIK. – 1924. – 08.01. – S. 4.

8. Dayan G. Vtoroj psikhonevrologicheskij s"ezd [Tekst] / G. Dayan // Krasnaya nov'. – 1924. № 2. – S. 155-166; № 3. – S. 223-238.

9. Dubrovskij A.V. Materiya i dukh (Vpechatleniya o Vsesoyuznom s"ezde po refleksologii, psikhologii, pedologii, ehksperimental'noj pedagogike i psikhonevrologii) [Tekst] / A.V. Dubrovskij // Prosveshhe-nets. – 1924. - № 3-4. – S. 23-27.

10. Zalkind A. Psikhonevrologiya i revolyutsiya (So vtorogo Vserossijskogo s"ezda po psikhonevrologii) [Tekst] / A. Zalkind // Pravda. – 1924. – 10 yanva-rya. – S.1.

11. Leont'ev A.A. L.S. Vygotskiy. Kn. dlya uchashhikhsya 9-11 kl. sred. shk. [Tekst] / A.A. Leont'ev. – М.: Prosveshhenie, 1990. – 158 s.

12. Mazilov V.A. Aktual'nye metodologicheskie problemy sovremennoj psikhologii [Tekst] / V.A.Mazilov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. Nauchnyj zhurnal. - № 2, том 2 (psikhologo-pedagogicheskie nauki). -2013. - S. 149-155

13. Mazilov V.A. Metodologicheskie problemy issledovaniya individual'nosti v psikhologii [Tekst] // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. Nauchnyj zhurnal.

- № 1, том 2 (psikhologo-pedagogicheskie nau-ki). – 2012. – S. 208-218

14. Na s"ezde psikhonevrologov [Tekst] / Pravda. – 1924. – 09 yanvarya. – S. 2.

15. Paramonova A.A. Otkrytie detstva v Rossii: razvitiye nauchnogo znaniya o rebenke v istorii oteche-stvennoj psikhologii kontsa KHKH - nachala KHKH vv. [Tekst] / A.A. Paramonova. – Izhevsk: ERGO, 2010. – 172 s.

16. Rejf I. Genii i talanty. [Tekst] / I. Rejf. M.: Izdatel'stvo «Prava cheloveka», 2007. – 192 s.

17. Serebrennikov A.P. Pedologicheskaya sektsiya 2-go vserossijskogo psikhonevrologicheskogo s"ezda v Leningrade [Tekst] / A.P. Serebrennikov // Pedologicheskij zhurnal. – 1924. – № 1. – S. 101-115.

18. Smirnov A.A. Puti razvitiya sovetskoj psikhologii // XVIII mezhdunarodnyj psikhologicheskij kongress. – M., 1969. S. 95-124.

19. Stoyukhina N.YU., Mazilov V.A. Zabytyj s"ezd: Pervyj vserossijskij s"ezd po psikhonevrologii [Tekst] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Nauchnyj zhurnal. – № 4, том 2 (psikhologo-pedagogicheskie nauki). – 2013. – S. 251 – 260.

20. S"ezd psikhonevrologov [Tekst] / Izvestiya VTSIK. – 1924. – 05.01. – s. 3; 06.01. – s. 3; 11.01. – s. 2.

21. SHnirman A.L. Refleksologicheskaya sektsiya Vserossijskogo s"ezda po pedologii, ehksperimen-tal'noj pedagogike i psikhonevrologii [Tekst] / A.L. SHnirman // Novoe v refleksologii i fiziologii nervnoj sistemy. – M.-L., 1925. – 392 s. – S. 354-375.

22. YAroshevskij M.G. Istoriya psikhologii. [Tekst] / M. G. YAroshevskij. – M., 1966. – 565 s.

23. YAroshevskij M.G. L.S. Vygotskij: v poiskakh no-voj psikhologii; predisl. E.E. Sokolovoj. [Tekst] / M.G. YAroshevskij. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 304 s.

Известны его работы: *В трудовой колонии (Записки воспитателя колонии для так называемых малолетних «преступников»)*, 1918; *К вопросу о профессиональной ориентации смоленских школьников* (в соавторстве с А.В. Серебренниковой), 1924.

⁵ В статьях-отчетах упоминается И.Н. Дьяков и С.В. Кравков.

⁶ И.А. Арямов тоже называет число – около 1000 делегатов.

⁷ **Кристи** Михаил Петрович (1875-1956) - социал-демократ, в 1905 редактор газеты «Южный курьер», гласный Керченской думы. В 1905 г. – президент Керченской республики. После 1917 г. был уполномоченным Наркомата просвещения РСФСР, позднее директор Третьяковской галереи (1928-1937). <http://baza.vgdru.com/1/17458/>

⁸ **Лилина** Злата Ионовна (1882-1929) — советская партийная и государственная деятельница, журналистка. Вторая жена Г.Е. Зиновьева. После революции была комиссаром внутренних дел Северной области, заведующей отделом народного образования Петроградского исполкома. Работала в Наркомпросе, заведовала отделом детской книги в Госиздате. Одна из крупнейших советских деятельниц в области попечения о детях. Кроме того, что Лилина – одна из первых авторов детских книг о Ленине, известны ее работы: *Социально-трудовое воспитание*, 1921; *Красный календарь в трудовой школе*, 1924; *Школа и трудовое население*, 1925; *Педагогические методы Ленина*, 1925; *Практика социального воспитания*, 1926.

⁹ **Золотарев** Сергей Алексеевич (1872-1941) – преподаватель русского языка и литературы, историк литературы, профессор Ленинградского университета (1921-1926). Среди множества его работ известны труды по педагогике и психологии: *Очерки истории учительского объединения в России*; *Очерки по истории педагогики на Западе и в России*, 1910; *Четыре смены молодежи*, 1926.

¹⁰ **Бернштейн** Михаил Семенович (1894-1975) – советский педагог и психолог. Известны его работы: *Методика и техника обследования среды в Америке*, 1925; *Наша современность и дети*, 1926; *Бюджет времени нашего молодняка*, 1927; *Домашний труд детей и школа* (совм. с Н.А. Бухгольц), 1927; *Закат прагматической педагогики*, 1963 и др.

¹ **Арямов** Иван Антонович (1884-1959) – российский психолог, один из лидеров биогенетического направления в российской педологии и детской психологии. В 1912 г. окончил физико-математический и медицинский факультеты Московского университета, потом работал, совмещая врачебную и педагогическую деятельность. С 1919 г. преподавал в Пензенском институте народного образования, затем – профессор Московского института физической культуры и 2-го Московского университета. С 1937 г. в течение 20 лет И.А. Арямов был профессором и заведующим кафедрой психологии Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Известны его работы: *Дитя рабочего*, *Рабочий – подросток*, *Особенности мышления советского подростка и юноши*, *Возрастные особенности школьника*, *Особенности детского возраста*.

² Впрочем, с ним не согласен А.Б. Залкинд, насчитавший 420 докладов (половина – из провинции), «содержащих в себе серьезнейшую научную ценность» [10, с.1].

³ В журнале «Красная новь» в том же 1924 и 1925 гг. напечатал несколько рецензий на литературные издания, напр., на книгу Л.Д. Троцкого. О Ленине (1924).

⁴ **Серебренников** Александр Павлович (1880-1927) – российский педагог, специалист в области тифлопедагогики, детской преступности, а также историк и музейный деятель.